

Яна Семёшкина

Как приручить кикимору?

Что делает текст литературой? Этот вопрос стоит особенно остро в современной критике и остается предметом споров среди интеллектуального истеблишмента. Позволим себе ответить: литература — всегда новаторство, это революция в языке, философии и сюжете; выражаясь формулой Бориса Акунина, литература подобна ледоходу, вспарывающему культуру.

За русской культурой, начиная с XVII века, тянется шлейф карнавальности и абсурда. Наша действительность рассыпчата, постиронична и лишена нарративности, она растворяет во внутреннем течении любые попытки остаться в вечности, любые притязания на историческую значимость.

В этой культурной ситуации писателем становится тот, кто совпадает с изменением языка. Пожалуй, так можно сказать о Евгении Некрасовой, писательнице и сценаристке, авторе романа «Калечина-Малечина» и сборника рассказов «Сестромам».

Некрасову принято сравнивать с Платоновым, поэтика ее текстов преобразует бесконечно вещественный, детализированный, плотный мир российской действительности. Ее художественный принцип — выжать из каждого предмета весь образный потенциал. В текстах, густо населенных персонажами с бэкграундом девяностых, каждая деталь, мебель, атрибут идет в ход. Взгляд автора буквально врывается в ткань реальной жизни, упирается в чужую телесность. Так, например, в рассказе «Павлов» чувство вины то

разрастается внутри, как младенец, то кусает героя и жжет в области желудка:

«На четвертый день вина пульсировала, крутила внутренности Павлова, рвалась наружу. Она хотела, как и каждый созревший ребенок, развиваться вне своего родителя, но быть рядом с ним, и заглядывать в глаза прохожим, рассказывать им правду на своем виноватом языке», «вина посмотрела Павлову в серо-голубые глаза и простонала. Половина ее тела, с хвоста, тут же беззвучно отломилась и рухнула на фанерный пол. Вторая, составляя еще два плотных кольца, осталась висеть на шее своего создателя. Павлов впервые за четверо суток вздохнул всей диафрагмой, погладил вину по длинной морде и заплакал».

Творческий метод Некрасовой отсылает к Гоголю — художественная деталь обретает литературную плоть, становясь самостоятельным мотивом и образом одновременно. Так, например, в рассказе «Лакомка» деньги прячутся в кошельке, кошелек в сумке, сумка в ящике. Мотив пряток, загадок нанизывается на сюжет о внезапном детстве и деменции главной героини — старушки Инны Ильиничны. В романе «Калечина-Малечина» вещественные детали обретают характер и кажутся гораздо более способными к эмпатии, чем живые люди: *«Справа затаилась Катина комната. В ней как убитый спал диван под постельным бельем. Стол с облупившейся глазурью, невидимой под Катиными тетрадами, учебниками, карандашами, красками и рисовальными альбомами. Он часто побаивался, что на него повалится полка с книжками. Так Кате казалось. Стул и кресло задыхались от наваленной на них одежды».*

Внутренний мир героев, их психологическая мотивация воплощаются в окружающем пространстве. Быт, чувства,

Евгения Некрасова. Калечина-Малечина: Роман. — М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019.

Евгения Некрасова. Сестромам. О тех, кто будет маяться: Рассказы. — М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019.

погода, призраки знакомых лиц и фасадов, запах котлет, жарящихся на захлавленной кухне, присутствие кикиморы — все это лишено ностальгии и музеефикации постсоветской действительности, наоборот, авторский мир максимально динамичен и одухотворен. Воздух некрасовской прозы отравлен токсичностью эпохи, ее карнавальностью и смехом.

Магистральная тема, которую автор воплощает последовательно от рассказов к повести, — несогласие с тотальной импотенцией и депрессивностью нового времени, лишаящего человека встречи с самим собой, историей, родиной, памятью и другим человеком. Надежда на эту жизнь вопреки времени — вот сюжет некрасовских рассказов — а не только «борщ, сметана и семейный скандал», так хорошо знакомые поколению, выросшему в девяностые.

Ностальгического желания уничтожить историю и превратить ее в частную или коллективную мифологию в тексте Некрасовой, конечно, нет. На фоне понятной и ритуализированной советской действительности время новой России выглядит в рассказах закольцованным, репродуктивным. Оно лишено индивидуальных черт и поэтому переживает внутреннюю реставрацию, воспроизводится в режиме стертого безвременья.

С точки зрения жанра, Евгения Некрасова пишет физиологический очерк, оставляя в тексте пространство для магического реализма. Лиминальное состояние героев, их уязвимость в мире, где все ранят обо всех: дети о взрослых («выросших»), взрослые о других взрослых, объясняет появление такого персонажа, как, например, кикимора в «Калечине-Малечине».

Лиминальность — вот новое понимание «надрыва», уход от Достоевщины в серые, набившие оскомину, «панельные дома» — бездушное, урбанистическое наследие девяностых. Что происходит в этих многоэтажных коробках? «Выросшие» поражают своим чувственным неряшеством и холодностью, мир служит им пепельницей,

куда можно стряхивать усталость, гнев и чувство вины.

«Тяжелые шаги и громкие крики ковыряли Катины уши. Папа хлопнул железной дверью. В коридоре остались только легкие мамини шаги, они перешуршивались туда-сюда быстрее обычного».

Магический реализм расцветает там, где перестает работать государство, надеяться можно только на чудо или кикимору:

«Катя ныла, Кикимора сидела на шкафу. Она скоро заскучала, почесала закрученный нос, вытирающее брюхо, промежутки между пальцами на нижних лапах. Потом нашла на шкафу пыльного медведя и начала его дербанить».

Некрасова одна из первых выводит на литературную сцену поколение миллениалов, взрослых в эпоху девяностых, в эпоху постапокалипсиса. Токсичные отношения с родителями, детские травмы, self-abuse, буллинг, педофилия — автор ставит диагноз постсоветскому обществу, последовательно вскрывая его нарывы.

Сборник «Сестромам» напоминает «дом в разрезе» — та самая абстрактная «панелька», с которой автор как будто бы снимает переднюю стенку, получая кукольный домик (или урбанистический скворечник?), за устройством которого можно наблюдать — и использовать для описания российской действительности.

«Калечина-малечина» и «Сестромам» — художественные исследования физиологии семьи. Что происходит, когда ты взрослеешь и переезжаешь в большой город? Как быстро обрывается «ментальная пуповина»? Что происходит с институтом семьи в XXI веке? Продолжает ли семья существовать в том виде, в котором мы привыкли ее понимать?

Автор последовательно отвечает на каждый из поставленных вопросов. Семья принимает другие формы, архитипичная российская семья разрушается, остаются однополые семьи с мамами и бабушками.

Усложнение жизни после распада Советского Союза открывает возможность выбора, на смену категорическому императиву Канта приходит платиновое правило нравственности: поступай с человеком так, как он хочет, чтобы с ним поступали.